

Максим Горький

Почтальон

Максим Алексеевич Горький

Почтальон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170458

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное издательство художественной литературы; Москва; 1949

Аннотация

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 35, 14 февраля.

В собрания сочинений не включалось.

Печатается по тексту «Самарской газеты».

Почтальон

...Подходя к домику в три окна, красиво спрятавшемся за палисадником, он замедлил шаги, поправил свою сумку, фуражку на голове, переложил письма из руки в руку, а когда поравнялся с средним окном дома, – предупредительно кашлянул и остановился...

Тотчас же в зелени цветов на окне и между веток сирени в палисаднике показалось лицо молодой женщины, и голосом, полным тревоги и надежды, она спросила:

– Письмо?

– Вам и сегодня нет, – с сожалением сообщил почтальон, вежливо прикладывая руку к козырьку фуражки.

Лицо женщины скрылось; почтальон поднялся на цыпочки, заглянул в окно, вздохнул и пошёл дальше, махнув рукой и сурово наморщив брови. Сделав шагов десять, он вдруг плюнул и довольно громко проговорил:

– Ах, брандахлыст чёртов! Такую женщину и... – Он сконфузился, не кончив фразу, оглянулся вокруг и, дёрнув себя за ус, быстро пошёл дальше.

Был ясный июньский день; с безоблачного неба на землю лился зной. Улица была пустынна; за заборами садов стояли деревья, и листья их были неподвижны, точно замерли в знойной истоме.

Часов в девять вечера почтальон снова шагнул по этой улице мимо домика в три окна, но уже без сумки, неторопливо, как человек, вышедший на прогулку. На нём был белый китель, только что выстиранный и выглаженный, о чём свидетельствовали блестящие швы. Молодое усатое лицо смотрело озабоченно, и густые брови над большими серыми глазами – нахмурены. Он уже не кашлянул, когда поравнялся с окнами серенького домика за палисадником, а только взглянул на него и, не изменяя походки, прошёл мимо.

С начала весны он носил письма в этот дом часто – почти каждый день; потом они приходили реже, наконец, стали появляться раз в неделю, а вот теперь их нет уже десятый день...

Их всегда ждали с нетерпением и, принимая, – оживлялись, тотчас же разрывали их и читали тут же у окна с весёлым, сияющим радостью лицом.

Почтальону всё это доставляло большое удовольствие; он подавал письма с улыбкой, ему в ответ тоже дружески улыбались; иногда он, подавая письмо, слышал такой хороший, душевный смех; раза два его даже спросили. Один раз:

– Вы, наверное, очень устаёте?

А другой:

– Не правда ли, как жарко сегодня?

Оба раза он с весёлым смехом согласился и с тем, что он устаёт, и с тем, что ему жарко.

А теперь ему больше не улыбаются и если спрашивают, есть ли письмо, так всегда таким сухим и сердитым голосом, точно это он виноват в том, что писем больше нет.

Это ему очень обидно и неприятно, и, когда в конторе он разбирает свою долю почты, ему ужасно хочется встретить письмо с адресом, написанным твёрдым мужским почерком: «Город Н. Крайняя улица. Вере Даниловне Сосиной». Но такого письма всё нет.

* * *

Выйдя из улицы в поле, почтальон пошёл к роще, рославшейся недалеко от окраины города тёмно-зелёной полосой. Нужно было перейти через овраг, поросший густым кустарником; он спустился в него по крутой тропинке, сорвал по дороге ветку и пошёл по дну оврага, сдвинув шапку на затылок и похлёстывая себя прутом по голенищу сапога.

Иногда он на секунду закрывал глаза, и тогда перед ним вставало овальное бледное лицо женщины с тонкими бровями, всё в пепельных кудрях, падавших и на лоб и на розовые щёки.

Голубые, светлые и весёлые глаза улыбались так ласково и хорошо, – точно гладили по сердцу.

Он вздыхал и тоже улыбался, покачивая головой от удо-

вольствия вспоминать лицо этой женщины.

Вдруг он услышал недалеко от себя в кустах что-то, похожее на вздох. Он остановился и, изобразив на лице внимание, вслушался. Звук раздался снова.

Слева от него, сквозь зелень, он увидел кусок розовой материи, и что-то толкнуло его туда – ближе...

– Вера Даниловна! Встаньте, сделайте божескую милость! – говорил он взволнованным шёпотом, стоя над женщиной, бившейся в рыданиях на земле. – Ну разве это возможно – посудите сами! Позвольте вас поднять?

Она всё рыдала, не отвечая ему. Он стал нелепо размахивать руками, не зная, что делать...

– Ах, господи! Ну какое здесь место для вас? Пойдёмте, Вера Даниловна! А? Да... разве можно так убивать себя? Земля сырая к тому же... можете насморк схватить...

– Уйдите прочь! – кинула она ему между рыданиями.

– Разве я теперь могу уйти! – с изумлением пожал он плечами и опустился перед ней на землю. – «Уйдите!» Как это можно? А вы тут... Я каждый день... всё насчёт вас думаю, как и что... Такая вы, можно сказать... красавица и добрая... Я-с все ночи... то есть, так сказать, – вами живу... Пойдёмте отсюда Христа ради!

– Оставьте меня...

– Вера Даниловна! Да... невозможно это! Я всей душой, а вы одна здесь останетесь и в таком плачевном положении. Да... чёрт с ним, с анафемой! Стоит убиваться о всяком шар-

латане!

Будь ему неладно... Мало нашего брата – вам? Такая-то красавица! Да любого... только пальчиком поманите... А ему, этому вашему писателю... Позвольте узнать, кто таков? Я ему все рёбра искрошу... всю морду... в кровь-с!

– Дурак! – вдруг, вскочив на ноги, крикнула она ему. Глаза, опухшие от слёз, гневно сверкали, и бледные губы тряслись. – Нахал!

Он так и остался на коленях, на земле, с открытым ртом и вытаращенными глазами.

Мимо него мелькнуло розовое платье и скрылось, сопровождаемое тихим шелестом кустов.

Темнело. В овраг сползали и ложились на зелень кустарника ночные тени; сильно пахло сыростью, и где-то щебетала птичка. А на небе, бархатно-мягком и ясно-синем, вспыхивали звёзды.

– Господи! – прошептал почтальон, садясь на землю и обнимая колена руками.

Потом он печально покачал головой и снова вполголоса произнёс:

– Ах, господи!

И после этого долго сидел без движения. Было уже совсем темно, когда он поднялся с земли и оглянулся вокруг. В овраге всё было мертвенно-тихо.

– Ну и ловко она меня обтяпала! – сказал почтальон и стал подниматься в гору, уходя из оврага.

На рассвете он шёл по одной из городских улиц, пьяный, сильно шатаясь, и громко бормотал:

– Да, так вы этак со мной? Ага, понял! Покорно благодарю! Я, значит, к вам с развёрзнутым сердцем, а вы сейчас р-рыло в сторону и неприлично лаетесь? Очень хор-рошо! А поз-звольте узнать, за какую провинность? а? Нет, – подождите-с? Почему-с? Я – что? Вы рыдаете – разве я бесчувственный скот? Я с развёрзнutoй душой иду и говорю... Пошлите его к чёрту, если он вас не мог понимать... т-такую милую женщину... значит, он – мерзавец!

Прохвост! В харю дам ему – имею пр-раво.

– Не ори ты, ваше благородие, а то в часть, – сказал ночной сторож, являясь у самого носа почтальона.

– Это что? Тоже человек? Прекрасно... прощай; ты, наверное, тоже скотина; ухожу... я не буду больше обращать внимания... на скотов... Я сам скот, но я с чувством. Понял? Я чего хотел, скажи?

– Выпить ты хотел, ну, и выпил, а теперь иди домой, – благодушно посоветовал сторож.

– И пойду, непременно... Но жалеть я тебя не стану – дудки! Издыхай ты, – плюну и пройду мимо. Не хочу больше... да... Потому я тебя могу жалеть, но ты меня за это можешь оскорбить. Ах ты, м-морда! Не хочу тебя жалеть, – ты сви-

нья!

Раздался трескучий, оглушающий свисток, и в ответ ему недалеко прозвучал другой.

– Вот мы те сейчас утихомирим, – сказал сторож, взяв почтальона за локти и припирая его к забору.

А тот, вырываясь из рук сторожа, плачущим голосом говорил:

– За что? За что? а?